

АВТОНОМИЯ ВОЛИ СТОРОН ПРИ ВЫБОРЕ СТАТУТА ДЕЛИКТНОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Rustamova Ruksora Xayrulla qizi

Jahon Iqtisodiyoti va Diplomatiya Universiteti

Xalqaro biznes huquq yo'nalishi

Magistratranti, +998339408000

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7485968>

ARTICLE INFO

Received: 17th December 2022

Accepted: 26th December 2022

Online: 27th December 2022

KEY WORDS

Деликтное обязательство, автономия воли сторон, *forum shopping*, принцип *lex loci delicti commissi*, презумпция «общего гражданства», презумпция «общего домицилия».

ABSTRACT

В настоящей статье будут рассмотрены основные подходы, применяемые в зарубежных государствах в части определения деликтного статута, их сравнение с подходами, установленными законодательством Республики Узбекистан.

Автор также исследует принцип применения автономии воли сторон деликтного обязательства, его преимущества и недостатки, делая вывод о необходимости реформирования законодательства Республики Узбекистан, регулирующего порядок определения применимого права к деликтным обязательствам в международных частноправовых отношениях. Автор также рассматривает основные концепции реформирования законодательных подходов к определению применимого права в деликтных правоотношениях на постсоветском пространстве, делая вывод о том, что законодательство Республики Узбекистан требует особого реформирования, учитывающего ошибки иностранных законодательных систем.

Современные правовые тенденции все больше основываются на предоставлении сторонам деликтного обязательства свободы в выборе страны, право которой будет определять деликтный статут.

При этом, если право сторон договорных обязательств осуществлять соответствующий выбор не оспаривается и давно нашло отражение как в законодательном регулировании, так и в правоприменительной практике, то право сторон выбирать юрисдикцию

рассмотрения спора во внедоговорных отношениях является относительной новеллой и не получило достаточного распространения в зарубежных правовых системах.

В большинстве стран, действует принцип выбора права, подлежащего применению, на основании места совершения деликта (*lex loci delicti commissi*). Этот принцип применяется и в большинстве стран СНГ, чьи правовые системы стали формироваться относительно недавно. Право

Республики Узбекистан (РУз) также предусматривает применение данного принципа.

Указанная правовая коллизия сформировалась в середине прошлого века и выступает, как отмечает Х.Д. Пирцхалава¹ гарантом «защиты слабой стороны». Общепринято, что слабой стороной в деликтном правоотношении является потерпевший, поэтому от законодателя требуется обеспечить ему возможность получить правовую защиту с использованием удобного для пострадавшей стороны правопорядка.

Многие критики такого подхода указывают на его чрезмерную «жесткость», отмечая, что закрепление возможности определять право, подлежащее применению, на основании места совершения правонарушения не учитывает множество факторов, влияющих на существо деликтного статута.²

Кроме того, указанный принцип в полной мере не учитывает современные тенденции деликтных отношений, возникающие в сети Интернет. Так, совершение основных интернет-деликтов, таких как киберсквоттинг, спам, хакерство, дефейс, фишинг совершенно не соотносимо с местом совершения указанных деяний. В данном случае, по мнению автора, необходимо оценивать совокупность обстоятельств, характеризующих как сам деликт, так и наступившие в

результате его совершения негативные последствия.

Поскольку главной задачей рассмотрения любого деликтного обязательства является восстановление нарушенного права, законодательство отдельных стран стремится к установлению определенных «гибких» коллизий, допускающий отличный порядок определения страны-рассмотрения деликтного обязательства и применяемого права, от установленного принципом *lex loci delicti commissi*. Например, можно учитывать принадлежность участников правоотношения к определенному государству, их место жительства или регистрации, иные обстоятельства, которые помогут понять, в какой юрисдикции лучше всего рассмотреть спор. Безусловно, важное значение в таком случае приобретает воля самих участников правоотношения – никто лучше них самих не определит, какое право лучше всего надлежит применить для успешного разрешения деликтного обязательства.

В ряде зарубежных стран применяется принцип автономии воли, но он редко когда является безусловным, исключаяющим применение других принципов. В правовой системе Швейцарии, к примеру, автономия воли сторон деликтного отношения может быть выражена только в пользу права страны суда. Неограниченная автономия воли сторон предусмотрена в законодательстве Турции, ФРГ: «После наступления события, приведшего к возникновению внедоговорного обязательства, стороны могут избрать право, которое будет применяться к

¹ Пирцхалава Х.Д. Новые тенденции коллизионного регулирования внедоговорных трансграничных обязательств в РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – N 3 – С. 243 – 252.

² Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – С. 349.

этому обязательству. Права третьих лиц остаются незатронутыми (ст. 42 ВЗ ГГУ).

Внутри экспертного сообщества активно обсуждается вопрос соотношения автономии сторон при выборе соответствующей юрисдикции, регулирующей деликтный статус с коллизионным принципом преимущественного права потерпевшего на выбор стороны. Так, А.В. Асосков считает, что правильным представляется подход, при котором позиция потерпевшего, согласовавшего с нарушителем выбор страны, право которой будет применено к деликтным обязательствам, нельзя рассматривать, как ущемление его прав, поскольку его позиция при соответствующем выборе не может не учитываться.³

Некоторые авторы, например Я.С. Куташевская⁴, критикуя первоочередное применение принципа автономии воли, указывает на проблему *forum shopping*, т.е. когда пострадавшая сторона выбирает заведомо более выгодную для себя юрисдикцию, с тем чтобы получить большее исполнение, чем предусмотрено иной юрисдикцией. Как известно, есть определенные правовые системы, считающиеся более выгодными для истцов. Так, право Ирландии очень часто используется разработчиками программного обеспечения, поскольку в наибольшей степени защищает и учитывает их

интересы, нежели интересы пользователей или лицензиатов.

По мнению автора, принцип применения автономии воли Сторон не должен оставаться единственной опцией, позволяющей сторонам исключить возможность рассмотрения деликта в стране, где нарушение совершено или в стране, где наступили негативные последствия правонарушения. Представляется наиболее цивилизованным подход, при котором законодатель позволяет учитывать необходимые обстоятельства для решения вопроса о стране-рассмотрения, такие как: связь деликтного обязательства с правовой системой страны, неразрывная связь сторон или потерпевшего со страной-рассмотрения (не только по принципу гражданства или проживания), определенные обстоятельства дела.

Чем больше факторов правоприменитель будет учитывать при выборе страны-рассмотрения дела (в том числе и позицию сторон), тем лучше это скажется на результате рассмотрения дела.

В Республике Узбекистан деликтный статут подлежит определению в соответствии с законодательством страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Если деликтное обязательство возникло за границей, а стороны-участники правоотношения являются гражданами одного и того же государства, или зарегистрированы на территории одного и того же государства (если речь идет о юридических лицах), то деликтный

³ Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // *Хозяйство и право*. – 2014. – N 2. – С. 3 – 28.

⁴ Куташевская Я.С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // *Вестник гражданского права*. 2022. N 4. С. 83 - 115.

статут определяется по праву этого государства, т.е. применяется т.н. «презумпция общего гражданства». Не подлежит применению право иностранного государства, если действие или иное основание, служащее требованием о возмещении вреда, не является противоправным.⁵

Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодательство Республики Узбекистан основано на применении немного устаревшего в настоящее время принципа *lex loci delicti commissi*. При этом, принцип автономии воли сторон вообще законом не допускается. Представляется, что данный законодательный конструкт, хоть и является наиболее распространенным среди правовых систем СНГ, все-таки несколько отстает от правового подхода, применяемого в иных зарубежных государствах.

Стоит отметить, что некоторые страны СНГ, например, Российская Федерация идут по пути реформирования законодательного подхода к определению права применения, несмотря на то, что в российском законодательстве, как и в законодательства большинства стран СНГ, закреплена преимущественная коллизионная привязка к месту совершения деяния.⁶

В 2013-м году в России был принят закон, позволивший сторонам внедоговорного деликтного обязательства осуществлять выбор правовой системы, применяемой к

таким обязательствам⁷. Законодательная новелла предусматривает, что выбор права применения допускается, при соблюдении двух условий: во-первых, оно возможно только после наступления деликта; во-вторых, не должны каким-либо образом нарушаться права третьих лиц.

Нельзя не отметить, что российский законодатель во многом использовал Регламент Европейского Союза (Рим II) о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам⁸, но с одним любопытным изъятием. Рим II устанавливает исключение из правила возможности *postfactum* выбрать применимое право для сторон, осуществляющих предпринимательскую деятельность, до совершения деликта. Российский законодатель посчитал (и не обосновательно), что случаи, когда стороны деликтного обязательства заранее выбирают применимое право, встречаются крайне редко.

Специалисты в области международного частного права, в частности Т.В. Новикова, приветствуя изменения правового режима автономии воли во внедоговорных обязательствах, в значительной мере связывают их с заимствованием положительного опыта Регламента Европейского Союза о праве,

⁵ Ст. 1194 Гражданского кодекса Республики Узбекистан // СПС КонсультантПлюс

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ // СЗ РФ. – 03.12.2001. – N 49. – Ст. 4552.

⁷ Федеральный закон от 30.09.2013 N 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 07.10.2013. – N 40 (часть III). – Ст. 5030.

⁸ Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.7.2007. – L 199. – P. 40–49.

подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (Рим II). В частности, ст. 14 Регламента Рим II, как и ст. 1223.1 ГК РФ, признает выбор сторонами внедоговорного обязательства любого применимого права; по общему правилу совершенный *postfactum* и без ущерба для прав третьих лиц; а также ограничивает действие избранного сторонами права императивными нормами в том случае, когда все обстоятельства связаны только с одной страной.⁹

Таким образом, мы видим, что в российском праве произошли определенные изменения, смягчающие первоначальную жесткую позицию законодателя относительно коллизионной привязки к месту совершения деликта.

Вместе с тем, по мнению автора, постреформенные положения российского законодательства, хоть и отреагировали на международные частноправовые тренды, но недостаточно диспозитивно учли интересы потерпевшей стороны и не способны надлежащим и справедливым образом защитить ее интересы. Ставя вопрос применения принципа автономии воли в зависимость от исчерпания иных способов определения права, законодатель не учитывает мнение сторон, а добавляет правовые конструкции, которые отдаляют стороны от применения автономии воли: сначала нужно исчерпать территориальный принцип, потом принцип «общего домицилия».

⁹ Новикова Т.В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера // Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – С. 289-296.

Осознавая необходимость в обновлении законодательства РУз, регулирующего рассматриваемые в настоящей статье правоотношения, по мнению автора, не стоит брать за основу принцип автономии воли, используемый в российском законодательстве. По мнению автора, в процессе имплементации принципа автономии воли в законодательство Узбекистана, необходимо придерживаться большей диспозитивности, чем это допущено в российском или швейцарском законодательстве.

Вместе с тем, автономия воли не должна быть безусловной, дабы не допускалось злоупотреблений со стороны потерпевшей стороны. По мнению автора, законодательство Республики Узбекистан необходимо реформировать таким образом, чтобы при возникновении внедоговорного деликта, было возможно максимально учесть согласованную волю сторон, а в случае невозможности обеспечить наличия такой согласованности – интересы потерпевшего. При этом, обязательно предусмотреть наличие правовых инструментов, которые не позволят потерпевшего злоупотреблять правом (*forum shopping*), например, если при выборе права будет учитываться неразрывная связь сторон с этой страной, причем не регистрационная или гражданская связь.

Вопрос конкуренции презумпции «общего домицилия» и презумпции «общего гражданства» представляется теряющим актуальность в современном мире. Учитывая возможности осуществлять свою деятельность онлайн, лицо может, например, являясь

гражданином России, проживать в Узбекистане, а рабочие отношения вести в Австрии. Естественно, в случае возникновения определенного деликта, особенно интернет-деликта, ему предпочтительнее воспользоваться австрийской юрисдикцией, хотя формально он никакого отношения к этой стране не имеет.

Таким образом, на мой взгляд необходимо учитывать разные факторы в целях наиболее подходящего определения применимого права. Прежде всего, конечно, необходимо учитывать позицию участников отношений, но нельзя делать ее безусловной, т.к. это может привести к определенным сложностям или злоупотреблениям со стороны потерпевшей стороны, т.е. нарушить принцип справедливого судебного разбирательства.

Как правовые системы ушли (или постепенно отходят) от императива определения применяемого права по месту совершения деликта, так и не

должны они прийти к безусловному определению юрисдикции на основе только лишь автономии воли сторон.

Имплементацию принципа автономии воли в правовую систему Республики Узбекистан необходимо проводить с особой тщательностью и серьезности. Ни в коем случае, нельзя слепо внедрять зарубежное законодательство, особенно установившееся в соседних странах. Необходимо анализировать практический зарубежный опыт.

Предложенный в настоящей статье порядок имплементации автономии воли, позволивший учитывать широкую совокупность факторов, может показаться сложным для правоприменителя на первых этапах, но, в то же время, при его грамотном и точном использовании, позволит в наибольшей степени защитить права граждан Узбекистана, вступающих в международные частноправовые отношения.

References:

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // СПС КонсультантПлюс
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ // СЗ РФ. – 03.12.2001. – N 49. – Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 30.09.2013 N 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 07.10.2013. – N 40 (часть III). – Ст. 5030.
4. Асосков А.В. Реформа раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. – 2014. – N 2. – С. 3 – 28.
5. Борисов В.Н. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 848 с.
6. Куташевская Я.С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // Вестник гражданского права. 2022. N 4. С. 83 - 115.

7. Новикова Т.В. Принцип автономии воли во внедоговорных правоотношениях международного характера // Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 3. – С. 289-296.
8. Пирцхалава Х.Д. Новые тенденции коллизионного регулирования внедоговорных трансграничных обязательств в РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – N 3 – С. 243 – 252.
9. Regulation (EC) No. 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the Law applicable to Non-contractual Obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 31.7.2007. – L 199. – P. 40–49.